

А Чжао ничего не знал. А Чжао не хотел говорить. А Чжао просто мечтал исчезнуть на месте. Насмешливый, полуприкрытый улыбкой взгляд Мин Чжэня вызывал у него куда больший озноб, чем прямые допросы отца на утреннем совете.

— Мин Чжэнь, разве ты меня не знаешь? — Ли Чжао машинально потянулся к его руке, но тот незаметно спрятал ладонь за спину. Пришлось смущённо почесать нос и добавить с редкой для себя торопливостью: — Этот небесный экран — чистейшая чушь! Даже если не говорить о том, люблю ли я мужчин или нет... этот Пан Юн — точно не мой тип. Да и, возможно, у него уже есть девушка по сердцу.

Внешность Пан Юна сама по себе была вполне благообразной, но от бровей до подбородка его лицо пересекала ужасная шрамовая полоса, придающая взгляду дикую свирепость. Обычные люди при виде него сразу теряли дар речи от страха.

— О? — Мин Чжэнь лишь коротко отозвался. Там, где ещё мгновение назад покоилась рука Ли Чжао, на его собственной коже будто бы осталось тёплое эхо — и сердце слегка дрогнуло. — Не знал, что у нашего принца Жуйского так чётко сформированы вкусы. Почему же ты раньше об этом молчал? И откуда тебе известно, что у Пан Юна есть возлюбленная? Он, часом, с тобой душу отводил?

— Сейчас сказать — тоже не поздно! — Ли Чжао махнул рукой, забыв обо всём на свете, даже о том, как неловко звучат такие разговоры между «братьями». Он поднял глаза к высокой сосне во дворе, будто ища в её стройном стволе подтверждение своим словам: — Мне нравятся... ну, такие, как свежий ветер и ясная луна — мягкие, спокойные, от которых сразу становится уютно.

— А насчёт девушки у Пан Юна — это мои догадки. Я несколько раз заставлял его ночью одного: он сидел под луной и пил вино, глядя на женский ароматический мешочек. В его глазах читались тоска, раскаяние и ещё что-то неуловимое... — Ли Чжао тяжело вздохнул и невольно нахмурился.

Мин Чжэнь некоторое время молчал. «Свежий ветер и ясная луна... мягкий, спокойный...» Эти слова мягко перекатывались в его сознании, оставляя за собой тонкую волну чего-то неопишуемого. Он поднял руку, будто собираясь коснуться хмурого лба Ли Чжао, но в последний момент опустил ладонь ему на плечо и слегка сжал:

— Всё наладится.

Группа направилась в кабинет. Пан Юн уже давно ждал их там.

— Ваше Высочество, господин Мин, — немедленно поклонился он, увидев их входящих.

— Угу, садись, без церемоний, — ответил Ли Чжао, не останавливаясь, лишь слегка кивнул в знак приветствия и сразу уселся за стол. Мин Чжэнь, совершенно естественно следуя за ним, ловко снял с его плеч плащ, затем с привычной грацией налил три чашки горячего чая и одну из них аккуратно подвинул Ли Чжао.

— Не спеши. Сначала согрейся, — мягко произнёс он, как всегда спокойный и заботливый.

Рядом Фу Гуй незаметно убрал руку, которую уже было потянул к чайнику. Ли Чжао заметил этот жест и внутри шевельнулось странное чувство: обычно подобные мелочи делал именно Фу Гуй, а сегодня Мин Чжэнь проявил необычную инициативу... Но сейчас у него было слишком много мыслей в голове, чтобы вникать в такие детали.

Он сделал глоток чая и приказал Фу Гую:

— Во дворец приходили люди. Передай всем: пусть исполняют свои обязанности и не подходят близко — нечего мешать. Что до небесного экрана — в доме запрещено обсуждать это втайне. Не дадим повода для сплетен и доносов.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. Понял, — ответил Фу Гуй.

— Ступай. Домом займёшься ты — я спокоен, — сказал Ли Чжао. За эти годы он основательно укрепил контроль над своей резиденцией и мог положиться на своих людей.

Всё это время Пан Юн, как обычно, молчал, стоя прямо, но выражение его лица было ещё мрачнее обычного.

— Пан Юн, — Ли Чжао поставил чашку и перешёл к делу, — что думаешь о том, что показал небесный экран?

Едва он договорил, как Пан Юн резко вскочил — в его движениях промелькнула редкая растерянность. Он глубоко поклонился:

— Ваше Высочество! Раб благодарен вам за спасение жизни и доверие. Готов пройти сквозь кипяток и огонь, умереть тысячу раз ради вас! Но... но у раба нет и тени недостойных мыслей по отношению к вам! Прошу, поверьте!

Ли Чжао замолчал. Ли Чжао был вне себя. Вот видите! Ещё даже не начали «склеивать парочки» — только намёк дали, а уже кто-то начал примерять на себя роль! Пусть лучше мир рухнет — этот абсурд невыносим!

Он инстинктивно бросил взгляд на Мин Чжэня в поисках помощи, но тот лишь изящно поднял чашку чая и перевёл взгляд за окно. Яснее ясного: *сам наворотил — сам и расхлёбывай*.

— Э-э... Пан Юн, встань, — вынужден был взяться за дело сам Ли Чжао, стараясь говорить легко и даже с долей шутливости. — Я знаю твою верность. Не волнуйся, у меня к тебе тоже нет таких чувств... Ты... э-э... точно не мой тип.

Он поспешно сменил тему:

— Ладно, об этом потом. Расскажи, каковы результаты твоего поручения?

Пан Юн немного успокоился, снова сел и заговорил уже привычным, твёрдым голосом:

— Доложу Вашему Высочеству: миссия выполнена. По всем имеющимся у нас данным мы проверили всех возможных свидетелей. Исключая тех, кто уже умер или предпочёл остаться в стороне, нашлось более тридцати человек, готовых дать показания.

— Тридцать человек — этого достаточно. Правда обязательно восторжествует, и невинно погибшие обретут справедливость, — глаза Ли Чжао вспыхнули решимостью. — Пусть готовятся. Время, возможно, придёт скорее, чем мы думаем. Может, и не дождёмся императорских экзаменов. Пан Юн, день твоей мести уже близок.

Пан Юн взволнованно подался вперёд:

— Ваше Высочество! Почему вы так считаете? Это дело чрезвычайной важности! Как только эти люди появятся в столице, пути назад у них не будет! Только во время экзаменов, когда весь Поднебесный мир обратит взор на столицу, можно действовать с гарантией безопасности!

— Пан Юн, ты слишком заикнулся на форме, — не дав Ли Чжао ответить, спокойно вмешался Мин Чжэнь. В его голосе прозвучала едва уловимая нотка раздражения. — Небесный экран уже дал ответ. Он объявил, что будет рассказывать о твоей судьбе, а в будущем ты занимаешь высокий пост и мстительство свершается. Это значит, что наши ближайшие действия станут ключевыми в этом предопределении.

— Вот именно! — Ли Чжао обрадованно улынулся и, подняв свою чашку, лёгким звоном чокнулся с чашкой Мин Чжэня.

Лицо Пан Юна покрылось краской стыда:

— Пр простите, Ваше Высочество! Раб позволил чувствам взять верх над разумом...

— Ничего страшного. Я понимаю тебя, — махнул рукой Ли Чжао, и в его голосе зазвучала сталь. — Иди, готовься. Если в будущем, показанном экраном, мы преуспели — значит, и сейчас всё получится.

Однако Пан Юн не ушёл, как обычно. Он стоял на месте, лицо его выражало растерянность и тяжесть перед неизвестным. Наконец, он робко заговорил:

— Ваше Высочество... Небесный экран сказал, что в будущем раб станет... начальником Цзиньи Вэй. — Он с трудом повторил это совершенно незнакомое словосочетание. — Цзиньи Вэй? Что это за должность? И почему говорят, что это «пугающая всех сторожевая собака»?

Взгляд Ли Чжао чуть дрогнул. Конечно, он знал, что такое Цзиньи Вэй — тайная служба, ведающая разведкой, надзором и карательными функциями. И Пан Юн действительно был идеальной кандидатурой для руководства такой структурой. Но сейчас ещё не время. Судьба туманна, и раскрывать слишком много — опасно.

Он подавил внутреннее волнение и твёрдо сказал:

— Это просто название ещё не существующего учреждения. Важно не имя, а дела. Путь создаётся ногами идущих, а не вывесками над дверью.

Пан Юн смотрел на него, ошеломлённый. Слова принца, как меч, рассекли туман сомнений и унижения в его душе. Он глубоко вдохнул и снова поклонился — теперь с абсолютной решимостью:

— Раб понял! Благодарю за наставление! Какой бы ни была моя будущая должность, всю жизнь я хочу быть лишь вашим мечом — чтобы сметать всё, что встанет у вас на пути!

В сердце он дал клятву: *Пусть весь свет называет меня сторожевой собакой — мне всё равно! Ваше Высочество станете великим государем, а я, Пан Юн, навеки останусь вашим верным клинком и щитом!*

Тем временем, во Дворце, в Зале прилежного правления.

Император сидел за заваленным бумагами столом. Звук алой кисти, чертящей пометки на мемориалах, был слышен отчётливо. Из позолоченной курильницы в виде журавля медленно поднимался дымок ладана, но даже он не мог развеять тяжёлую атмосферу, висевшую в воздухе.

Евнух Ван Дэ бесшумно приблизился и, низко кланяясь, тихо позвал:

— Ваше Величество...

Император не поднял глаз, кисть не остановилась. Из горла вырвалось лишь глухое:

— Мм. Вернули?

— Доложу Вашему Величеству: принца Жуйского благополучно доставили во дворец, — Ван Дэ бережно подал золотой грецкий орех. — Перед отъездом... Его Высочество велел передать это старому слуге и просил заботиться о здоровье государя — ни в коем случае не переутомляться.

Император наконец отложил кисть и бросил взгляд на орех, мягко отсвечивающий в свете свечей. В голосе не было ни гнева, ни радости:

— Раз он дал — оставь себе. Умудриться вытянуть хоть что-то из этого пи-сю («жадного духа») — уже подвиг.

Он слегка помедлил и добавил, почти равнодушно:

— Ты, как всегда, мастерски за него заступаешься.

Хотя слова были тихими, у Ван Дэ на затылке мгновенно выступил холодный пот. Он рухнул на колени:

— Ваше Величество! Старый слуга передал лишь точные слова Его Высочества! Ни единого слова не прибавил и не убавил! Клянусь!

— Ладно, вставай, — император будто устал, откинулся на спинку трона и потер переносицу. — В твои-то годы... и всё ещё менее хладнокровен, чем ребёнок. Свари-ка покрепче лунцинь.

— Слушаюсь, слушаюсь! Благодарю за милость! — Ван Дэ, как будто избежав казни, поспешно поднялся и, согнувшись, вышел готовить чай.

Когда в зале снова воцарилась тишина, император машинально постучал пальцами по пурпурному дереву стола — глухой, мерный стук.

В ту же секунду из тени за колонной, словно тень, возникла чёрная фигура. Она беззвучно опустилась на одно колено перед тронном, полностью скрывая своё присутствие — если бы не глаза, её можно было бы и не заметить.

— Говори, — император не открывал глаз.

Голос тени был ровным и бесстрастным:

— Доложу Вашему Величеству: после возвращения во Восточный дворец наследный принц немедленно созвал своих советников. Тайная беседа длилась около получаса. Второй принц,

князь Ци, закрыл ворота для гостей, однако управляющий его канцелярией и двое командиров столичного гарнизона тайно вошли через боковые ворота и до сих пор не вышли. Третий принц, князь Чу, собрал у себя нескольких советников. Четвёртый принц, князь Янь... по возвращении разбил любимый набор чайной посуды из печи Цзюнь. Шестой принц, князь Чжао, сразу отправился в храм во дворце и до сих пор читает сутры. Остальные принцы — пока без заметных движений.

Император молча выслушал доклад. На лице не дрогнул ни один мускул. Только пальцы перестали стучать по столу. Спустя долгую паузу он махнул рукой.

Тень поняла — и исчезла, растворившись в воздухе, будто её и не было.

В зале снова остался только император. Он медленно открыл глаза и взглянул на угол стола, где лежал золотой орех, забытый Ван Дэ. В его взгляде, глубоком, как море, отражались мерцающие свечи — и за ними, в тенях, — коварные игры двора и сердец. Аромат чая ещё не дошёл до носа, но запах надвигающейся бури уже пропитал каждый камень этой императорской столицы.

<http://bllate.org/book/17167/1606270>